

«У Сергея не было маски. Он и в жизни был таким...»

Его протяжное: «Здрррррравствуй, великий город!»

в радиэфире для многих было главным началом дня.

Ушел он из жизни стремительно, 9 мая на полной скорости мчал по Москве на своем любимом мотоцикле «Триумф»...

Накануне этого юбилея журналист «КП» встретился с женой Сергея – Юлией, чтобы вспоминать, каким был Доренко, не только в эфире, но и в жизни.

Разговор получился женским: эмоциональным, полным слез.

Юля Доренко – маленькая, худенькая, такая девочка-подросток.

Она смотрела на меня из-под очков глазами полными боли. Какая-то беззащитная, с дрожащим голосом. Я не знаю, сколько она льет слез наедине с собой. Кажется, не мало.

– Меня до сих пор оглушает это понимание, что Сергея нет. По фотографиям не очень видно, а когда смотришь видео, и он хохочет, говорит что-то смешное, ты тоже вместе с ним смеешься. Потому что это невозможно – не смеяться, глядя на него. Он полон жизни, энергии. Как такое может быть, что его нет? Удивительно, полгода прошло, а меня это поражает до сих пор. Не могу поверить в его смерть. Изю дня в день мы

вспоминаем о нем с ребятами с работы, какие-то смешные истории, его причуды...

В тот день он ехал домой от друга и пропал со связи. Я смотрела по навигатору – уже давно должен быть дома. Но его не было, телефон не отвечал. Я позвонила в редакцию первым делом, попросила проверить сводки ДТП с мотоциклами. Потом раздался первый звонок, что в ДТП попал. Но главное, непонятен был итог, жив или нет. Снова позвонили, сказали что все, умер на месте. Было состояние шока. И не понятно, что делать? Куда ехать? Мне говорят: приезжайте утром в морг (Доренко умер около 19:00 – ред.) А мне-то что вот просто сидеть дома, ждать утра, лечь спать? Госорганы работают как машина, она просто переезжает, а у тебя жизнь разрушена, ты потерял близкого. Я хотела увидеть его. Убедиться... Но когда увидела, все равно не поверила. Сергей не сильно пострадал физически, мотоцикл просто завалился на бок... Он лежал как живой, с таким умиротворенным лицом, будто спал.

– Ваши жизни были переплетены – вместе и на работе, и дома...

– Мы не то что в одно место ходили на работу, жили одним и тем же. 10 с половиной лет я каждый день слушала Доренко. Сопереживала, участвовала. Его работа была и моей. Не было такого, что Сергей приходил домой и – все, заканчивалась работа, начинались домашние дела. Мы все обсуждали. Когда Сергея не стало, я знала, что не смогу дальше работать на «Говорит Москва». Это абсолютно невозможно. И многие ушли, потому что без него – не то.

– Какой он был дома с семьей?

– Такой же. У него не было маски. Это он и был. Просто понятно, что как-то себе подогревал в эфире, настраивал. Он же готовился, хотел провокации.

– Мне казалось, что он настолько вживается в роль порой.

– Да. Он просто хотел вызвать реакцию, интерес, и искал разные способы. Не хотел быть скучным. Ему надо было, чтобы вокруг все бурлило. И дома он оставался таким же. Конечно, немножко обороты сбавлял. Но все равно это был тот же человек. И эти экспромты, шутки, это постоянное «давай, давай». Энергия.

– Какие у него были планы?

– Сергей постоянно искал новые формы. Студию прямо накануне оборудовали дополнительными камерами. Мы хотели после эфиров делать нарезки с самыми интересными моментами. Он готовился, опять взялся худеть. Похудеть – это бесконечная история. Постоянные эксперименты над собой. Диеты были всегда. Но ему тяжело было просто ограничивать себя в еде. Долго продержаться он не мог. Бывало все, решено, с понедельника правильное питание. А вечером приходит домой: «Оношко (соведущая эфира с Доренко, – ред,) ела сало с хлебом, и я съел. А потом еще пиццу принесли. Ну раз уж сегодня диеты не получилось, то мне уже можно все. Вот завтра начну...»

– Вы знали, что у него аневризма (что и стало причиной смерти, – ред)?

– Да.

– Сергей понимал, что сердце может остановиться буквально в любую секунду?

– Он произносил это не раз, что может в любой момент умереть и никто не успеет приехать. Прекрасно знал...

– И ничего не поменял в жизни с этим осознанием?

– Он не придавал значения, почему-то не боялся. При этом часто рассказывал историю, как его дед Филипп в 40 лет упал с велосипеда и так испугался смерти, что тут же бросил пить, курить и прожил до 94 лет. «Видишь, он испугался и смог изменить образ жизни».

Я ему: «А у тебя диагноз, лишний вес. Почему не боишься?». Отвечал: да, ты права, надо все менять, худеть, ходить по врачам. И реально собирался ... ровно три часа. А потом бежал дальше. Сколько раз я записывала его в поликлинику. Он все приемы отменял. Конечно, я думала, что надо было силой его туда тащить. Но понимала, это просто невозможно. Это было его желание – так жить, его выбор. Он хотел получать удовольствия, не хотел пресной жизни. И не смог бы он стать дедом Филиппом, который от всего отказался. Любовь, вечный праздник, мотоциклы. Какие тут больницы? Он зиму-то еле переживал. Тоска, небо серое... И на мотоцикле не поедешь. Он иногда

приезжал в Подмоскowie в свой гараж. Заводил мотоциклы, слушал их, трогал. Скоро весна! Это человек, который хотел быть счастливым каждую секунду. И он им был.

– Но ты говорила, что вы обсуждали его похороны...

– Да, но все в шутку как-то. Вообще эта тема кладбищенская – поминки, похороны – коробила его, он ее высмеивал. «А ты еще на полочку поставь мой прах, чтобы я все время был рядом». Кстати, прах его отца у нас стоял года два на полочке. Сергей приходил домой и разговаривал с ним, благовония зажигал.

– И ты поставила?

– Не буду говорить... Но я исполнила главное его желание – быть развеянным на горе Митридат, в Крыму, в Керчи. Это он не только мне, но и маме своей накануне смерти говорил, когда приезжал к ней за фотографией деда, погибшего в войну в Уманском котле. Тело его так и не нашли. И он сказал: «А нас с тобой, мама, развеют на горе Митридат». Он хотел смешаться с морем, раствориться в пространстве.

Его эта мысль, видимо, успокаивала, что он будет везде.

И я выполнила это. Мы с детьми поехали в Керчь, поднялись на Митридат рано утром и развеяли прах...

– Шутили, что Доренко не явился на собственные поминки...

– Да, он бы оценил. И, конечно, что-нибудь острое и ироничное ответил точно.

– Песня на прощании с ним тоже была не траурная, это многие отметили тогда...

– Да. А как-то мы слушали с ним дуэт Simon & Garfunkel и композиция «Bridge Over Troubled Water» нам очень понравилась. Стали прислушиваться к словам, а там о том, что, «когда ты будешь одна, я буду рядом». И Сергей сказал: «Под эту музыку меня и похоронишь. Это я буду петь тебе». У меня слезы, у него слезы... Под нее я с ним и прощалась.

– Слушаешь ее и сейчас?

– Слушала в мае часто. Сейчас не могу. А еще он говорил: «На

мои похороны никого не зови. Сделай это одна, ладно?». Я, честно, думала даже выполнить его просьбу, но тогда люди бы точно подумали, что я сошла с ума. Мало того, что заявления на меня эти писали (об отравлении – ред.), так еще я бы никого на похороны не пустила.

– **Заявления писали его старшие дети?**

– Да. Но честно говоря, их обвинения меня не удивили ни капли. Ведь все эти разговоры были еще в 2011 году.

Сергею хохотал над этим. Крутил у виска: что за бред? Не принимал это всерьез. Я тоже.

– **Сейчас у вас как? Отношения наладились?**

– Нет. Никогда никаких точек с ними найдено не будет.

– **Еще, наверное, наследственные дела теперь?**

– Я не хочу рассказывать подробно. Суды уже идут. Все началось. Давайте не будем об этом.

<.....>

– **Чем сейчас занимаешься?**

– У нас два телеграмм-канала. «Расстрига» и «Подъем». Последний уже стал сетевым изданием, зарегистрирован как СМИ. В день рождения выпустим небольшой фильм о Сергее. Но вот удивительно, очень мало осталось с ним видео. Хотя он работал много лет на ТВ.

– **Друзья рядом?**

– Конечно. Просто из-за того, что мы с Сергеем постоянно были вместе, никто не поможет побороть мое одиночество.

Ведь несмотря на всю эту взбалмошность и подростковое «на своей волне», он был очень надежным. На него можно было опереться, как на настоящего мужчину. Сейчас нет этого ощущения защиты... Посоветоваться не с кем, спросить, как правильно поступить... я уже полностью сама себе предоставлена. Я осталась одна с детьми.

– **Кто рядом с тобой?**

– Я одна. У всех свои дела, это нормально. Но два раза в день мы обязательно созваниваемся с мамой Сергея.

– **Как думаешь, как бы он отмечал свой юбилей?**

– Наверное никак. Накануне дней рождений, недели за две, у него всегда случалась легкая депрессия. А потом, после 18 октября, когда напряжение спадало, мы могли уже и отметить. Обычно уезжали куда-нибудь. Странно, но в этом году даже поездок никаких не планировали. Вообще ничего не планировали.

По тексту Дины Карпицкой

